

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
----------------	---

I

Игра

1. Достойное дело	35
2. Игрок	57
3. Предложение романа	102
4. Что делать?	127
5. На пороге новой жизни	142

II

Расплата

6. Новое начало	171
7. «Жена-игрок»	208
8. Тургенев	234
9. Жизнь и судьба	251
10. Бесы	279
11. Последняя игра	299

III

Награда

12. Издательство	321
13. Испытание	357
14. На стороне пророка	384
15. Смерть мужа	412

IV

Долгие сумерки

16. Наследница	429
17. Смерть жены	458

Эпилог

Анна Достоевская: жизнь после смерти	467
Благодарности	473
Источники	478

*Анна Сниткина,
1860-е годы*

Федор Достоевский, начало 1860-х

ВВЕДЕНИЕ

Холодным ясным утром 4 октября 1866 года одетая в черное суконное платье стройная 20-летняя слушательница курсов стенографии вышла из петербургской квартиры, где жила с матерью. Забежав по пути в Гостиный двор — огромный торговый пассаж на Невском проспекте, — она купила несколько запасных карандашей и кожаный портфель, надеясь с его помощью придать своей юной внешности более деловой вид. Спустя полчаса, добравшись до серого кирпичного здания на углу Малой Мещанской и Столярного переулка, она поднялась по плохо освещенной лестнице на второй этаж и нажала кнопку звонка у двери квартиры №13. Там ее ждал человек, который мог стать ее работодателем.

Студентку звали Анна Сниткина. Тому, кто открыл ей дверь, было 44 года, он являлся бывшим каторжником, загадочным столичным вдовцом и писателем с уже сложившейся репутацией. Звали его Федор Михайлович Достоевский.

Анна взглянула на часы и улыбнулась. До назначенной ей половины двенадцатого оставалось несколько минут. Будучи девушкой осмотрительной, она не собиралась позволить себе ни малейшей оплошности, особенно сегодня, в день, когда надеялась получить первую в жизни работу.

Почти мгновенно дверь отворила немолодая женщина в накинутом на плечи зеленом клетчатом платке. Анна, только что дочитавшая публиковавшийся частями новый роман Достоевского «Преступление и наказание», невольно подумала: уж не этот ли платок стал прообразом того драдедамового, что сыграл столь роковую роль в судьбе семьи Мармеладовых? Разумеется, она не посмела задать этот вопрос и лишь сказала служанке, что ее направил сюда профессор стенографии Ольхин и что барин извещен о ее визите.

Служанка по имени Федосья провела Анну по темному коридору в столовую, вдоль стен которой стояли два больших сундука, накрытых коврами, и комод, украшенный вязаной салфеткой. Женщина предложила юной гостье присесть и сказала, что барин сейчас подойдет.

Через пару минут появился Достоевский. Не удостоив Анну особым вниманием, он велел ей пройти к нему кабинет, а сам удалился — распорядиться, чтобы им подали чаю.

Войдя в просторную мрачноватую комнату, Анна огляделась. Диван был затянут довольно потертой коричневой тканью; перед ним стоял небольшой круглый стол, покрытый суконной скатертью, с лампой и двумя-тремя фотоальбомами. Сквозь два окна в комнату с трудом пробивалось немного осеннего солнца.

«Было сумрачно и безмолвно, — вспоминала она много лет спустя, — чувствовалась какая-то подавленность от этого сумрака и тишины»¹. Обстановка кабинета оказалась самой заурядной, какую можно было встретить в доме людей весьма скромного достатка, а никак не у человека, стремительно становившегося одним из самых известных писателей России. Она внимательно

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. — М.: ООО «БОСЛЕН», 2015. С. 107 (далее — Воспоминания, с указанием страницы).

осмотрела комнату, пытаясь найти хоть что-то, что расскажет о ее возможном работодателе: тщетно прислушивалась к детским голосам и гадала — не портрет ли жены Достоевского, умершей двумя годами ранее, эта мертвенно-бледная женщина в черном платье и чепце над диваном (как выяснится позже, так оно и было).

Несколько минут спустя в кабинете вновь появился этот загадочный человек. Анна изо всех сил старалась излучать уверенность — на самом деле она волновалась куда сильнее, чем готова была признаться даже самой себе.

Имя Достоевского звучало в доме Сниткиных давно. Это был любимый писатель ее отца; всякий раз, когда речь заходила о современной литературе, тот неизменно произносил что-то вроде: «Ну что теперь за писатели? Вот в мое время были Пушкин, Гоголь, Жуковский! Из молодых был романист Достоевский, автор “Бедных людей”. То был настоящий талант!» Прошедшее время не было случайным: «К несчастью, — продолжал он, — впутался в политическую историю, угодил в Сибирь и там пропал без вести...»¹

В 1859 году, к восторженному изумлению отца Анны, Достоевский вернулся в столицу после четырех лет каторги в Сибири, за которыми последовало еще пять лет обязательной военной службы, и возобновил писательскую деятельность с новым рвением. Отец Анны стал преданным читателем журнала «Время», основанного Федором Достоевским совместно с братом Михаилом, и вскоре все члены семьи Сниткиных увлеклись чтением его произведений — хотя никто из них не переживал их с таким душевным трепетом, как Анна.

Творчество Достоевского было хорошо известно в среде образованных читателей, подобных Григорию Ивановичу Сниткину,

¹ Там же. С. 147.

который был подписан на «Время» и другие толстые журналы. Эти сборники литературных, философских и публицистических текстов выходили еженедельно или раз в две недели и для России XIX века были чем-то вроде американских журналов *The New Yorker*, *Newsweek* и *Scientific American*, собранных под одной обложкой. В них публиковались новости, книжные рецензии, культурная и литературная критика, научные статьи и, конечно, беллетристика: почти каждый русский романист того времени начинал литературную карьеру именно на их страницах. Первое оригинальное произведение Достоевского, «Бедные люди», увидело свет в 1846 году, когда автору было 24 года, — в тот самый год родилась Анна Сниткина.

Эпистолярный роман «Бедные люди» рассказывал о любовной истории 47-летнего обедневшего канцелярского служащего и его дальней родственницы, бедной девушки-сироты. Читатели увидели в произведении свежий и проникновенный отклик на идеи социального христианства и сентиментальной филантропии, характерные для литературы того времени. «Новый Гоголь явился!»¹ — воскликнул поэт Николай Некрасов, явившись к самому влиятельному критику эпохи Виссариону Белинскому. При личной встрече Белинский спросил ослепленного славой писателя: «Да вы понимаете ль сами-то, что это вы такое написали!»² Этот день Достоевский запомнил надолго. Благодаря поддержке Белинского он немедленно стал вхож в высшие литературные круги. Большой успех имели «Бедные люди» и у читающей публики.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 30 (далее — ПСС, с указанием тома и страницы).

² Там же.

Достоевский почувствовал первый вкус славы, но это продоллось недолго. Его следующий роман, «Двойник», повествующий о мелком чиновнике, затерявшемся в бюрократических лабиринтах Петербурга, вышел всего через несколько месяцев после «Бедных людей» и потерпел полное фиаско как у читателей, так и у критиков. Та же участь постигла следовавшие за ним рассказы. «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским — гением! — признавался Белинский одному знакомому критику, ознакомившись с новым сочинением. — Я, первый критик, разыграл тут осла в квадрате»¹. Особенно смутил Белинского фантастический элемент «Двойника»: его герой теряет связь с реальностью и завязывает причудливые отношения со своим двойником. «Фантастическое в наше время, — полагал Белинский, — может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, а не поэтов»².

23 апреля 1849 года Достоевский в возрасте 27 лет был арестован за участие в тайном революционном обществе — кружке Петрашевского, что почти на десятилетие вычеркнуло его из литературной жизни. После возвращения из ссылки писатель возобновил карьеру, выпустив роман «Униженные и оскорбленные» (1861) — сентиментальную мелодраму с яркими персонажами и драматической интригой в конце каждой главы. Благодаря этим качествам роман снискал чрезвычайную популярность среди читателей, хотя и был холодно встречен критиками.

¹ Белинский В. Г. Письмо к П. В. Анненкову 15 февраля 1848 г. // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 467. (Здесь и далее датировки писем даны по старому стилю.)

² Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Там же. Т. 10. С. 41.

Расположение критиков вернула Достоевскому следующая крупная работа — «Записки из Мертвого дома» (1860–1862), полубеллетризованное повествование о годах, проведенных в сибирском каторжном остроге. Соединив в себе мемуары, социальный памфлет и культурологическое эссе, «Записки» развивали привычные для автора темы: бедственное положение угнетенного человека, жестокосердие власть имущих и христианское сострадание как высшую добродетель. Однако в романе зарождались и новые идеи, которые в последующие годы займут центральное место в творчестве и философии Достоевского: потребность личности во внутренней свободе любой ценой, психологическая сложность сознания преступника (тема, к которой писатель вернется в «Преступлении и наказании») и духовная сила русского народа.

К тому моменту, когда Анна Сниткина появилась на пороге квартиры Достоевского, он уже зарекомендовал себя как один из самых многообещающих писателей России, но до звания одного из великих было еще далеко. Безусловно, в его ранних вещах мерцали проблески гениальности, но такие критики, как Белинский, склонны были смотреть на Достоевского сквозь узкую призму утилитаризма, упуская из виду ту психологическую глубину, что служила основой его социальной критики. Именно приверженность социальному реализму, подкрепленная глубоким пониманием человеческой психологии, сделала Достоевского не только уникальным автором среди его современников («реалистом в высшем смысле»¹, как он сам себя определял), но и одним из важнейших писателей в истории всей русской литературы.

¹ «Меня зовут психологом, — писал Достоевский в дневнике за 1880–1881 гг., — неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (ПСС. Т. 27. С. 65).

Однако для самой Анны Сниткиной Достоевский был просто одним из авторов, чьи произведения ее увлекали и трогали. Как только в доме появлялся новый выпуск журнала «Время», он в первую очередь попадал в распоряжение отца. Тот, сидя в своем вольтеровском кресле с журналом в руке, вскоре начинал клевать носом, и, как только дрема совсем его одолевала, подкрадывалась пятнадцатилетняя Анна, осторожно вытаскивала журнал из отцовских пальцев и убегала в сад, чтобы провалиться с головой в очередной роман Достоевского. Однако не успевала она насладиться чтением, как незаметно приближалась сестра Маша и по праву старшей выхватывала журнал у нее из рук.

Сострадание Достоевского к изгоям общества находило отклик в сердце Анны, и она сопереживала угнетенным душам, которые оживали на страницах его книг. «Я ведь порядочная мечтательница, — говорила она, — и герои романа всегда для меня живые лица»¹. Она ненавидела хищного крепостника из «Униженных и оскорбленных», который пытался заставить сына жениться на выгодной с финансовой точки зрения партии, и почти с той же силой презирала его наивного, но симпатичного сына за то, что у него не хватило смелости противостоять отцу, не разрывая отношений с любимой девушкой. Она пролила слезы над «Записками из Мертвого дома» и признавалась позже: «Мое сердце было полно сочувствия и жалости к Достоевскому, перенесшему ужасную жизнь каторги»².

Однако грубоватый, нервный мужчина, с которым познакомилась Анна, казалось, не имел ничего общего с дерзким и благородным автором, романами которого она зачитывалась и о встрече с которым мечтала. Светло-каштановые волосы

¹ Воспоминания. С. 148.

² Там же. С. 149.

Достоевского были сильно напомажены и тщательно приглажены, но лицо на фоне поношенного суконного жакета синего цвета казалось бледным и болезненным. Он выглядел рассеянно и взволнованно и то и дело просил Анну напомнить ее имя. Его глаза тоже тревожили ее. Левый был карим, а зрачок правого был настолько расширен, что полностью перекрывал радужную оболочку, — это, как она узнала позже, было следствием давней травмы, полученной во время приступа эпилепсии, когда Достоевский упал и наткнулся на какой-то острый предмет.

— Давно ли вы занимаетесь стенографией? — спросил он.

— Всего полгода, — ответила Анна, стараясь держаться уверенно, как подобает деловой женщине.

— А много ли учеников у вашего преподавателя?

— Сначала записалось более 150 желающих, а теперь осталось около 25.

— Почему же так мало?

— Да многие думали, что стенографии очень легко научиться, — неуверенно сказала Анна, — а как увидели, что в несколько дней ничего не сделаешь, то и бросили занятия.

— Это у нас в каждом новом деле так, — сказал Федор Михайлович, — с жаром примутся, потом быстро охладевают и бросают дело. Видят, что надо трудиться, а трудиться теперь кому же охота?¹ — И он предложил Анне папиросу.

Достоевский испытывал ее, как часто делал, знакомясь с новыми людьми. Все для него было испытанием: любовь, отношения, сама жизнь. Ему особенно хотелось понять, похожа ли эта Анна Сниткина на множество прогрессивных молодых женщин, появившихся по всей России в 1860-х годах в результате великих реформ Александра II — ряда радикальных политических,

¹ Там же. С. 108.

социальных и экономических изменений, введенных после уни-
зительного поражения России в Крымской войне.

Анна действительно с гордостью относилась к числу эман-
сипированных «девушек шестидесятых», как именовались
молодые русские феминистки ее поколения. «Я чувствовала,
что вышла на новую дорогу, могу зарабатывать своим трудом
деньги, становлюсь независимой, — писала она позднее, вспо-
миная, что означала для нее перспектива работы на Достоев-
ского, — а идея независимости для меня, девушки шестидесятых
годов, была самой дорогой идеей»¹ — как и для подавляющего
большинства образованных молодых женщин.

Пользуясь новым духом открытости, общественно-созна-
тельные граждане начали более активно выражать сдерживаемое
раньше стремление к радикальным изменениям в рамках tradi-
ционной авторитарной семейной структуры. Они настаивали
на том, чтобы женщинам дали возможность играть более важ-
ную роль в послевоенном восстановлении российского обще-
ства. В эти годы появилось небывалое количество книг и ста-
тей о семье и роли женщин в России, что породило дискуссию,
которая со временем стала известна как «женский вопрос».

Достоевский не был противником этого нового русского
женского движения. Он являлся одним из немногих крупных
писателей того времени, кто открыто отстаивал расширение
возможностей женщин в интеллектуальной сфере. «Образован-
ной женщине нужна более широкая дорога, — писал он в начале
1860-х годов, вторя одному из главных принципов фемини-
сток, — которую и не нужно загораживать или засорять игол-
ками, нитками, тамбурными крючками и тамбурным вязаньем». На страницах журнала «Время», в одном из тех же номеров,

¹ Там же. С. 105.

где Анна читала «Униженных и оскорбленных», Достоевский защищал феминисток от консервативных критиков, которые отвергали их сторонников как «эмансипаторов». По его мнению, женская эмансипация «сводится к христианскому человеколюбию, к просвещению себя во имя любви друг к другу, — любви, которой имеет право требовать себе и женщина»¹. Такие отношения между полами, утверждал он, совершенно здоровы и желательны и будут неизбежны, когда уровень самого общества повысится. А чуткость Достоевского к тяжелому положению русских женщин проявилась в художественных произведениях, где представлено множество женских персонажей, поработанных родителями, мужьями, опекунами или благодетелями либо погрязших в крайней нищете, выбраться из которой они могут, только выйдя замуж, занимаясь проституцией или вступив в унижительную внебрачную связь с мужчиной.

Однако при всей симпатии Достоевского к женскому движению дерзость большинства радикальных феминисток его отталкивала. «Новые женщины», как они себя называли, слишком прочно ассоциировались у писателя с недостатками «новой России» — страны, которая, по его мнению, утратила связь с ценностями порядочности, скромности и прежде всего нравственности. Его до крайности возмущал «дивный новый мир»², который складывался в стране под сильным влиянием Запада, подвластного «разврату стяжания, цинизма, материализма»³ и особенно свободной любви. Будучи одиноким вдовцом,

¹ Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику» // ПСС. Т. 19. С. 126.

² Название романа (1932) О. Хаксли, заимствованное из трагикомедии У. Шекспира «Буря» (1611). — *Прим. ред.*

³ Достоевский Ф. М. Несомненный демократизм. Женщины // ПСС. Т. 23. С. 28.

которого отвергла не одна прогрессивная молодая женщина, он имел свои причины не жаловать этот род феминизма.

Анна Сниткина интриговала Достоевского тем, что отличалась от радикальных феминисток эпохи: вела себя не безрас судно и импульсивно, а сдержанно. Когда она вежливо отказалась от папиросы, писателя поразило «серьезное, почти суровое» обращение молодой женщины: он был рад познакомиться с такой «серьезной и деловитой девушкой»¹.

И хотя это было трудно понять по грубоватому поведению Достоевского, потенциальная сотрудница ему приглянулась. Конечно, важную роль сыграло то, что она не стригла коротко волосы, не носила очки и не курила — три типичные антибуржуазные привычки «новой женщины». Благодаря сочетанию женской скромности и профессионального такта она произвела на писателя превосходное впечатление.

— Я был рад, когда Ольхин предложил мне девицу-стенографа, а не мужчину, — сказал Достоевский Анне, — и знаете почему?

— Почему же? — отвечала она.

— Да потому, что мужчина уж наверно бы запил, а вы, я надеюсь, не запьете?

Анне стало ужасно смешно, но она сдержала улыбку.

— Уж я-то наверно не запью, — сказала она совершенно серьезно, — в этом вы можете быть уверены².

— Что ж, тогда посмотрим, что из этого выйдет, — неопределенно пробормотал Достоевский. — Попробуем.

— Хорошо, попробуем, — сказала она, однако добавила на случай, если у Достоевского остались сомнения на ее

¹ Воспоминания. С. 150.

² Там же. С. 109–110.

счет: — Но если вам при моей помощи работать будет неудобно, то прямо скажите мне об этом. Будьте уверены, что я не буду в претензии, если работа не состоится¹.

Чтобы проверить стенографские навыки Анны, писатель взял один из выпусков «Русского вестника», где в тот год выходил частями роман «Преступление и наказание», и начал чрезвычайно быстро читать текст, попросив ее записывать под диктовку. Хотя Анна была обучена стенографии, она не поспевала за Достоевским и вежливо попросила: не мог бы он диктовать в темпе обыкновенной разговорной речи? Раздраженный тем, что его перебили, Достоевский наклонился, чтобы проверить ее работу. Отчитал за то, что она пропустила точку и неясно поставила твердый знак, а потом принялся ворчать о неспособности женщин к работе. Потрясенная и оскорбленная, Анна, однако, изо всех сил постаралась не показать своих чувств. Для нее не было ничего важнее, чем добиться профессионального успеха и стать независимой. Она не собиралась рисковать своим будущим.

Еще через несколько минут Достоевский сказал Анне, что ему нужно сделать перерыв, но попросил ее вернуться тем же вечером, чтобы он мог начать диктовать ей свой роман. Анна обрадовалась, что писатель всерьез настроен нанять ее, но чувства были смешанными. «Я вышла от Достоевского в очень печальном настроении, — признавалась она много лет спустя в «Воспоминаниях». — Он мне не понравился и оставил тяжелое впечатление»². В неопубликованном черновике она пошла еще дальше: «Ни один человек в мире ни прежде, ни после не производил на меня такого тяжелого, поистине удручающего впечатления,

¹ Там же. С. 109.

² Там же. С. 110.

какое произвел на меня Федор Михайлович в первое наше свидание. Я увидела перед собою человека страшно несчастного, убитого, замученного. Он имел вид человека, у которого сегодня-вчера умер кто-либо из близких сердцу; человека, которого поразила какая-нибудь страшная беда»¹.

Перспектива работать на Достоевского — непостоянного гения и, по всей видимости, неосознанного женоненавистника — заставила Анну задуматься о том, какую цену она готова заплатить за финансовую независимость. «Нет, зарабатывать хлеб тоже иногда приходится горько, когда начинают говорить такие неприятности, — писала она в дневнике, вспоминая грубые замечания своего работодателя, — и это даже один из лучших людей, а что будет у других, менее развитых людей. Нет, уж лучше выйти за кого-нибудь замуж, чтобы не подвергаться этим неприятностям»². Такой путь выбирали девушки поколения ее матери — и даже старшая сестра Маша, которая не так давно вышла замуж за видного молодого учителя. Анна начала понимать привлекательность этого выбора, но еще не была готова отказаться от своей мечты.

Анна вернулась в квартиру Достоевского тем же вечером и еще раз — на следующий день. По прошествии нескольких первых встреч она заметила существенную перемену в его поведении. С момента их знакомства он стал теплее, держался более непринужденно. В разговоре по-прежнему перескакивал с темы на тему, но, как только начинал говорить, каким-то

¹ Там же. С. 669.

² Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. — М.: Наука, 1993. С. 316 (далее — Дневник, с указанием страницы).

необъяснимым образом казался Анне моложе. Она же продолжала общаться с ним «просто, серьезно, почти сурово», решив поставить их отношения «на деловой тон»¹, несмотря на то что в его присутствии начинала чувствовать себя комфортнее.

Время шло, Достоевский рассказывал ей историю за историей из своей жизни, и Анна была очарована пылким, почти детским энтузиазмом писателя. Он подробно описывал свой арест за участие в кружке Петрашевского и мучения, которые испытал, когда его чуть не казнили. Узнав, что подпольщики собираются опубликовать подстрекательские материалы, царь Николай I приговорил членов кружка к смертной казни. 22 декабря 1849 года Достоевского, одетого в белый халат, доставили на Семеновский плац и с завязанными глазами поставили рядом с товарищами. «Видя приготовления, — рассказывал он Анне, — я знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так, казалось, предстояло мне долго жить!»² Заключенных одели в смертные рубахи и разделили на группы по три человека. Достоевский был восьмым в третьем ряду. Первых троих привязали к расстрельным столбам, и вскоре настала его очередь. «Как мне хотелось жить, — восклицал он Анне, — Господи Боже мой!»³

Вдруг раздался сигнал отбоя. Товарищей Достоевского отвязали и увели от расстрельных столбов. Был зачитан новый приговор: ему полагалось четыре года каторжных работ. Казнь была полностью инсценирована, чтобы напугать Достоевского и других членов группы. «Не запомню другого такого счастливого дня! — говорил Достоевский Анне. — Я ходил по своему

¹ Воспоминания. С. 111.

² Там же.

³ Там же.

каземату <...> и все пел, громко пел, так рад был дарованной мне жизни!»¹

Анна не могла понять, что́ ее больше шокировало: подробности инсценированной казни или то, как этот важный человек поведал такую личную историю своей новой сотруднице, с которой едва был знаком. Как и большинству образованных граждан того времени, ей было известно, что из-за своей политической деятельности Достоевский некоторое время провел в тюрьме. Но подробностей никто не знал. Теперь же писатель позволил молодой работнице заглянуть за завесу тайны. «Этот по виду скрытный и суровый человек, — позже вспоминала она, — рассказывал мне прошлую жизнь свою с такими подробностями, так искренно и задушевно, что я невольно удивилась. <...> Откровенность эта в тот первый день моего с ним знакомства чрезвычайно мне понравилась»².

Внимание Анны привлекла еще одна история. По словам Достоевского, он после смерти брата Михаила оказался в тяжелом финансовом положении. Основанный ими совместно журнал «Время», позднее переименованный в «Эпоху», был закрыт, и Достоевский взял на себя обязательство выплатить непогашенные долги редакции, хотя по закону не обязан был этого делать. Кроме того, он обещал поддерживать вдову Михаила Эмилию Федоровну и их осиротевших детей.

Такая огромная ответственность заставляла Достоевского жить в постоянном страхе долговой тюрьмы, и в июле 1865 года он опрометчиво подписал контракт с нечистым на руку издателем и литературным спекулянтом Федором Тимофеевичем Стелловским. В обмен на незначительную сумму — 3000 рублей

¹ Там же.

² Там же. С. 112.

(менее 30 000 долларов по современному курсу)¹ — Достоевский предоставил Стелловскому право перевыпустить в одном издании все свои ранее вышедшие произведения, в том числе те, которые еще не были окончены и печатались по частям. (Для сравнения: несколькими годами ранее современник Достоевского Иван Тургенев получил около 5000 рублей, или современные 50 000 долларов, за переиздание одного только романа «Отцы и дети».)² Более того, теперь по контракту Достоевский был обязан представить к 1 ноября 1866 года новый полноценный роман. Если бы он этого не сделал, то лишился бы права на все произведения, написанные за последующие девять лет, а также доходов от них. За сумму полуторогодовой зарплаты³

¹ Исторические курсы валют остаются предметом научных дискуссий. Для перевода исторических сумм в рублях в долларовый эквивалент в период до 1880 года я использую в качестве ориентира хорошо известную сделку 1867 года — покупку США Аляски у России. Обменный курс, установленный по этой сделке, составлял 1,6 рубля за 1 доллар, то есть 1 рубль оценивался в 0,625 доллара (выражаю признательность Ларисе Кочетковой, старшему вице-президенту инвестиционной компании PNC в Вирджинии, предоставившей мне эти данные). Для конвертаций, относящихся к периоду после 1880 года, опираюсь на конвертер исторических валют, созданный профессором Р. Эдвинссоном: <https://www.historicalstatistics.org/Currencyconverter.html>. Для расчета современной покупательной способности полученных исторических долларовых сумм использую калькулятор инфляции, основанный на официальной статистике Министерства труда США.

² См.: Тулякова А. Сколько зарабатывали русские писатели? // Арзамас. <https://arzamas.academy/mag/315-money> (дата обращения: 17.01.2026).

³ См.: Todd III W. M., “‘To Be Continued’: Dostoevsky’s Evolving Poetics of Serialized Publication,” *Dostoevsky Studies* 18 (2014). P. 27. Чтобы оценить масштаб ставки Достоевского, стоит привести несколько сравнений.

Достоевский рисковал отдать Стелловскому все потенциальные доходы от почти десятилетней работы в будущем.

Осенью 1865 года Достоевский был настолько погружен в написание новых частей «Преступления и наказания», что у него почти не оставалось времени на новый роман, который он был обязан представить издателю. В начале октября, всего за месяц до сдачи этого нового текста, у Достоевского имелось лишь несколько разрозненных заметок и черновых планов. В отчаянии он обратился к одному из самых старых и близких друзей — Александру Милюкову. Тот сначала предложил собрать группу писателей-друзей, чтобы написать новый роман совместными усилиями, но Достоевский даже слышать не хотел о выпуске книги чужого авторства под своим именем. Поэтому у Милюкова возникла другая идея: познакомить Достоевского с известным в Петербурге преподавателем стенографии Павлом Ольхиным, чтобы тот порекомендовал в качестве помощника своего лучшего ученика. Достоевский согласился. Так и появилась вакансия, которая привела Анну в его дом.

Федосья успела несколько раз зайти в комнату, принося на подносе свежие булочки и горячий чай, а рассказы Достоевского продолжали литься потоком. Пока он прыгал с темы на тему, Анна все больше волновалась о том, что никакой реальной работы они не выполнили. Она как раз собиралась напомнить Достоевскому о цели своего визита, как вдруг тот сам

В ту пору за 2000 рублей можно было приобрести конный экипаж на четыре персоны, а за 6000 рублей — трехэтажный загородный дом. Годовой доход преуспевающего адвоката в России достигал 3000–5000 рублей. Писатель же, подобный Достоевскому, не обладавший собственным капиталом, мог бы с величайшим трудом сводить концы с концами на 2000 рублей в год — по сегодняшним меркам это примерно 20 000 долларов.

об этом вспомнил и попросил Анну начать записывать под диктовку. Она тут же достала из нового кожаного портфеля блокнот и карандаши, а Достоевский закурил и начал быстро рассказывать от двери до печи и обратно, диктуя ей роман, который позже был назван «Игрок».

Достоевский стал работодателем Анны, а она его наемной сотрудницей. Это была ее первая работа, и Анна испытывала невероятный подъем. «Моя заветная мечта осуществлялась: я получила работу!»¹ — позже вспоминала она. Однако наивные представления о независимости вскоре осложнились неожиданными обстоятельствами. Придя устраиваться на работу, чтобы стать профессионалом в своем деле, Анна совсем скоро станет женой писателя и игрока. Для столь прагматичной и амбициозной девушки это был неожиданный поворот судьбы — жизнь открыла ей череду невероятных возможностей и вместе с тем превратилась в полный хаос.

История Анны Сниткиной, ставшей для Достоевского стенографисткой, возлюбленной, женой и ангелом-хранителем, разворачивалась на фоне одной из самых бурных эпох в российской истории — периода, который напрямую вел к революции 1917 года. Это было время глубоких общественных и политических потрясений, отмеченное все углублявшимся расколом между либералами, желавшими покончить с самодержавием и переустроить страну по западным демократическим лекалам, и консерваторами, стремившимися уберечь царский режим и многовековой патриархальный уклад. Великие реформы Александра II начала 1860-х годов — ряд основополагающих изменений государственной

¹ Воспоминания. С. 105.

политики — лишь обострили это противостояние, напугав консерваторов и подогрели нетерпение либералов.

В середине XIX века общество, которое на протяжении многих столетий было основано, по сути, на феодальных и аграрных принципах, познало капитализм. Этому яростно сопротивлялись как прогрессисты, так и традиционалисты. Наряду с реформами Александра возник и «женский вопрос»: полемика о том, каким может быть путь самореализации женщин в быстро меняющейся реальности. Впервые поднятый феминистками и либеральной общественностью в 1850-х годах, этот вопрос вспыхнул в 1860-х и продолжал пылать до тех пор, пока в итоге не стал частью разгоравшегося революционного пожара. История Анны Сниткиной представляет собой попытку одной женщины найти ответ на «женский вопрос», прокладывая собственный, уникальный путь среди конкурирующих идеологий эпохи.

Большинство писателей-современников Достоевского с большой страстью посвящали себя исследованию проблем своего времени. Появились сотни толстых журналов, каждый из которых был рупором той или иной группы. Большинство этих изданий придерживалось либеральных идей, ставших движущей силой радикальной интеллигенции, которая утверждала, что единственный возможный путь для движения России вперед — революция. Александр Герцен, один из главных мыслителей того времени, отразил настроение эпохи в издававшемся им журнале «Колокол». «Гроза приближается, этого отвергать невозможно, — писал он. — В этом соглашаются люди революции и люди реакции. У всех закружилась голова; тяжелый, жизненный вопрос лежит у всех на сердце и сдавливает дыхание»¹.

¹ Герцен А. И. Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле // Герцен А. И. О социализме. Избранное. — М.: Наука, 1974. С. 267.

Основывая журнал «Время», братья Достоевские изначально стремились придерживаться центристской линии, предоставляя враждующим группам возможность примириться. Однако к середине 1860-х годов, когда стало ясно, что идеологические разногласия в русском обществе непреодолимы, Достоевский встал на сторону консерваторов. Открыто признавая их недостатки — в конце концов, писатель когда-то входил в кружок Петрашевского, — он все же предпочел консерваторов радикальной интеллигенции, чей атеизм, поклонение науке и призывы к революционному насилию противоречили самым глубинным ценностям писателя.

К моменту встречи Анны и Достоевского «извечные русские вопросы», которые задавал Герцен, вышли за пределы интеллектуальных кругов, добравшись до каждого члена общества. Важную гражданскую роль в этом культурном противостоянии играла русская литература: читатели надеялись, что писатели поддержат их в решении острых социальных вопросов. Что касается самого Достоевского, жизненный опыт и темы, которые он исследовал в своих произведениях, начиная с первого романа «Бедные люди», сделали его не просто заметной фигурой, а настоящим властителем умов.

Учитывая эти обстоятельства, неудивительно, что появление Анны в жизни Достоевского имело столь далеко идущие личные и профессиональные последствия. Молодая стенографистка не только помогла писателю преодолеть сложный этап его жизни — ей к тому же удалось со временем создать условия, позволившие Достоевскому не только реализовать свою гражданскую миссию русского литератора, но и стать одним из крупнейших в мире писателей. Духовное становление Анны Достоевской происходило по мере ее погружения в художественный мир мужа, но она, в свою очередь, способствовала тому, что

Достоевским были воплощены три краеугольные проблемы его творчества — сила сострадания, опасность гордыни и неизменная возможность искупления.

Книга «Жена игрока» основана на нескольких десятилетиях исследований, посвященных творчеству Достоевского, русской литературе в целом и бурлящему культурному котлу той эпохи. Подробности жизни Анны Сниткиной и Федора Достоевского тщательно реконструированы на основе источников, многие из которых были собраны исключительно учеными-славистами в научных публикациях. Ранние работы оценивали появление Сниткиной как важнейший сдвиг в жизни Достоевского, при этом скудно освещая ее собственную деятельность и сложную социально-культурную среду, из которой она происходила. Эти книги могут оставить у читателя впечатление, что Анна пришла в мир с единственной целью: спасти великого человека от склонности к саморазрушению и прославить его имя в веках, способствуя публикации его произведений. Во множестве биографических работ собственный характер Сниткиной и сложный внутренний мир, принятые ею решения и риски, на которые она шла, представляются второстепенными и раскрывают скорее значение Анны для Достоевского, чем значение их отношений для нее самой.

Какие же решения принимала сама Анна Сниткина, какой была ее собственная жизнь? С этим связана важная проблема, которая заслуживает отдельного подробного рассмотрения: посвятив себя работе мужа, предала ли Анна свою давнюю мечту стать эмансипированной женщиной? Многие радикальные феминистки — современницы Анны, безусловно, сочли бы ее горячую преданность мужу и его работе предательством мечты

о независимости. Даже сегодня читателям не так легко увидеть в Анне свободную женщину, учитывая многочисленные жертвы и трудности, которые она перенесла ради Достоевского. Действительно, поведение Анны в некоторых ситуациях вряд ли вызовет восхищение у современных сторонников феминизма. И все же именно благодаря этим ситуациям ее личные и профессиональные достижения приобрели особый вес, не говоря уже о том, что она в одиночку собственноручно переписала сценарий женского движения XIX века.

Федор Достоевский и Анна Сниткина встретились тогда, когда оба находились в состоянии глубокого разлада с самими собой, а их потенциал мог быть с одинаковой легкостью реализован или растрочен вхолостую. Достоевский — этот безрассудный любитель риска и переменчивый творческий гений — вместо последовательной стабильной работы постоянно метался от бездействия к приступам бешеной производительности. В момент появления Анны он был на грани нищеты и боролся с глубокой саморазрушительной депрессией, настолько сильной, что она чуть не погубила его карьеру. Что касается Анны, она была полна личных и профессиональных амбиций; подобно человеку, за которого вышла замуж, она тоже была своего рода игроком, но, как оказалось впоследствии, гораздо более проныцательным и способным стратегически мыслить, чем он. Если бы Анна не познакомилась с Достоевским, то, вероятно, вела бы обычную жизнь профессиональной стенографистки, как и сотни других молодых женщин в России того времени. Но, учитывая ее сильный характер и яркую личность, сомнительно, что такая жизнь могла бы полностью удовлетворять ее потребности.

Их союз был столь же сложным, сколь и глубоко несовершенным. Он открывал простор для нарциссизма и бескон-